

Т.П.Петрова

Кризис по-португальски

Статья посвящена особенностям кризиса в Португалии на фоне сложной финансовой ситуации и обострения социально-экономических проблем. Реакция португальского общества мотивирована спецификой исторического развития страны и национального характера ее граждан.

Ключевые слова: Португалия, кризис, Евросоюз, национальный характер.

Перефразируя известную фразу Льва Николаевича Толстого о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастная семья несчастна по-своему, можно сказать, что и с таким «несчастьем», как финансовый кризис, каждая страна Евросоюза справляется по-своему. Особенно нелегко приходится государствам, не обладающим запасом прочности ни в плане экономики, ни в плане финансов. К числу таких относится и Португалия.

В курортной зоне Алгарве, где основная часть населения занята либо традиционным рыболовством, либо обслуживанием туристов, признаки кризиса обнаружить нелегко. Напротив, заметны прежде всего те перемены, которые начались после вступления Португалии в Европейский союз (ЕС). В течение длительного периода после Второй мировой войны страна была достаточно закрытой. Режим диктатора Антонио де Салазара (так же, как и режим Франсиско Франко в соседней Испании) обрек ее на вынужденную изоляцию. Европейские демократы не спешили устанавливать ни дипломатические, ни экономические отношения с диктаторами. Было принято даже решение ООН, рекомендующее всем государствам — членам этой организации разорвать дипломатические отношения с франкистской Испанией и отозвать оттуда своих представителей. Большинство так и поступило. Уклонились только Португалия, Аргентина и Ватикан. Казалось, что ситуация в Португалии не изменится никогда, но в 1975 г. военные совершили бескровный переворот и свергли диктатора. Однако трудности первого десятилетия после «революции гвоздик» носили такой глубокий и затяжной характер, что португальцы вряд ли смогли бы преодолеть их самостоятельно.

В роли спасителя выступил ЕС, куда Португалию приняли в 1986 г. После этого были проведены глубокие структурные преобразования. Только в

Татьяна Павловна Петрова — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ (tatpetrova@yandex.ru).

80—90-х годах от ЕС была получена помощь в размере почти 30 млрд евро. Часть этих денег, так же как и в соседней Испании, пошла на строительство современных дорог, гостиниц, инфраструктуры. Это позволило достичь высоких показателей роста — 3,4% в год. Впрочем, с годами этот показатель начал снижаться и в 2002 г. составил всего 0,7% в год. Вместе с этим рос и внешний долг, который в 2007 г. равнялся 236% ВВП.

Нерентабельные предприятия были закрыты, что затронуло интересы сотен тысяч человек, занятых в таких традиционных отраслях промышленности, как обувная, текстильная, пищевая и винная. В этих условиях часть уволенных должна была сменить профессию, а часть в поисках работы отправлялась не только в соседнюю Испанию, но и в другие страны ЕС. Уровень безработицы повышался и за счет выходцев из бывших португальских колоний — Анголы и Мозамбика, а в последние годы — и за счет выходцев из Восточной Европы и постсоветского пространства.

Зона Алгарве была ориентирована европейскими структурами на туризм, поэтому сюда были направлены мощные финансовые потоки, с помощью которых бывшие рыбацкие деревушки на глазах превращались в комплексы четырех- и пятизвездочных гостиниц. Но, как известно, «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», и многие рыбаки не только вынуждены были сменить место жительства, но и род занятий. Чтобы избежать конкуренции, в странах ЕС было введено понятие «квоты» на многие сферы промышленного и сельскохозяйственного производства, в том числе и на добычу рыбы. Это, с одной стороны, помогало избежать конкуренции, а с другой — вынуждало отдельные страны заметно сокращать рыбный промысел, а значит и число занятых в нем. Данные меры вызвали акции массового протеста, с которыми несколько лет назад выступили европейские рыбаки от Дании до Португалии. Кроме того, заметно сокращается и количество рыбы в традиционных зонах лова, каковым для португальцев с 1355 г. был район Ньюфаундленда. Теперь в поисках улова испанские и португальские рыбаки доходят до Аргентины.

Были установлены квоты и на поставку в Европу таких традиционных экспортных товаров Португалии, как фрукты и вино. Чтобы избежать конкуренции на внутреннем винном рынке, Португалия была разбита на десять регионов, за которыми было закреплено производство того или иного сорта винограда, а следовательно и определенных сортов вина. Поэтому для того, чтобы попробовать любимый сорт вина, желательно отправиться к месту его производства. Для сохранения многообразия сортов вина и поддержки малого бизнеса были сохранены некоторые семейные предприятия, где все производство ведется по традиционной технологии. Организация посещения таких маленьких фабрик по производству вина и конфет является почти обязательной для туристов. А туризм обеспечивает более 6% ВВП Португалии.

Другим стабильным источником пополнения ВВП является экспорт натуральной пробки (50% мировой потребности обеспечивает Португалия). Вдоль современных автострад можно увидеть посадки пробкового дерева, с которого раз в пять-шесть лет снимают пробку. Большая часть пробки используется для закупорки бутылок с вином и идет на экспорт, поэтому сувенир из пробки в самой Португалии надо еще поискать.

Страны ЕС по-разному переживают кризис не только в силу различий в уровне экономики, но и в силу различий в национальных характерах. Как

ни пытались лидеры ЕС убедить своих сограждан, что они теперь все «европейцы», национальный менталитет сохранился и даже усилился. Никто не хочет отказываться от своей национальной принадлежности в пользу общего «светлого будущего». Стереть эти различия не удалось ни Советскому Союзу за почти 70 лет его существования, ни Соединенным Штатам за всю их историю. Можно ли ожидать таких перемен в странах ЕС, история которого куда менее продолжительна?

Португальский национальный характер (также как, впрочем, и все другие) сформировался под влиянием двух факторов: особенностей природной среды и истории народа, зафиксированной в местных легендах, поэмах и летописях.

На небольшой площади в г. Сагриш стоит памятник одному из самых почитаемых португальских королей — Себаштиану. Возможно, ему не давали покоя лавры его предшественника — Генриха Мореплавателя, который организовал более 40 морских экспедиций и открыл знаменитую школу мореплавателей, куда стремились попасть лучшие мореходы того времени (включая Колумба). Так или иначе, но Себаштиан возглавил военный поход с целью захватить Марокко. В 1578 г. в возрасте 24 лет он отплыл в Африку со всеми силами, которые сумел собрать: около 17 тыс. бойцов, из которых 5 тыс. были иностранными наемниками. Отказавшись слушать советы опытных в африканских войнах капитанов, он двинулся навстречу войскам марокканского правителя, с которым и встретился возле Алкасер-Кибира. Битва закончилась ужасной катастрофой: половина португальских солдат была убита, половина взята в плен. Сам король погиб. Эти события стали сюжетом многочисленных народных песен — фаро, в которых невеста (жена или возлюбленная) ходит по берегу, смотрит на море и ждет, когда вернется корабль с любимым.

Со смертью короля Себаштиана связано и народное суеверие — себаштианизм. Представление о «короле, который должен вернуться в одно туманное утро», еще и сегодня является общим местом. Никто не говорит этого всерьез, но фразу часто используют для того, чтобы намекнуть на непередаваемое состояние духа, состоящее в вере в то, что событие, которого сильно желают, не может не случиться, но одновременно в надежде, что это случится само по себе, независимо от усилий конкретного человека¹.

Особенностью формирования национального характера было и четкое разделение культурных процессов в эпоху Возрождения в Португалии два уровня: культуру для тех, кто знал латынь и имел доступ к высоким творениям средневековых поэтов и философов, и народную культуру, основанную на мифах, преданиях, народных песнях, танцах, семейных обычаях. Поскольку народ не знал не только латыни, но в большинстве своем и обычной грамоты (даже в 1900 г. 80% населения было неграмотным), высокая культура стала привилегией местной элиты.

Еще одним мощным фактором, способствовавшим формированию культурного слоя и, как следствие, национального характера и повседневной жизни португальцев в эпоху Средневековья, было влияние инквизиции. По некоторым данным, вплоть до 1684 г. на кострах инквизиции были сожжены 1369 человек, многие подверглись ссылке, конфискации имущества. Основными жертвами стали те, кого обвиняли в принадлежности к иной вере, занятиях колдовством и распутстве. Страну охватила религиозная истерия: каждый стремился донести на любого, кто принадлежал к другой религии или проявил неуважение к католичеству. Так же, как и в

соседней Испании, первыми жертвами религиозного фанатизма становились представители чуждых португальцам культур, прежде всего мавры и евреи, что привело к массовому оттоку их из страны. Донос расценивался как подвиг веры. Население было глубоко религиозно, и потому в течение двух веков каждый жил между долгом донести и страхом стать объектом доноса (до наших времен дошли документы по более 20 тыс. судебных процессов, а сколько еще было утеряно или сознательно ликвидировано).

Контроль распространялся и на представителей искусства, литературы. Каждый автор знал, что между ним и печатным станком стояла инквизиция, что первым его читателем станет цензор. Это весьма ограничивало выбор тем сюжетов: как правило, все сводилось к почитанию святых и скромной лирике, поскольку, если и допускалось упоминание о любви, то только о любви к Богу.

Существенное влияние на формирование национального характера оказали достижения португальских мореплавателей, первыми из европейцев достигших Африки и Индии в XV—XVI вв.². В национальном сознании это породило чувство гиперболизированного восхищения их подвигами, которые, по мнению ультрапатриотов, затмили деяния греков и римлян. «По всей Земле слышны их голоса, и до границ мира раздаются их слова» (Дамиан де Гойш). Луис де Камозэн опубликовал свой знаменитый труд «Лузиады» в 1572 г. в Лиссабоне, именно в нем идея превосходства нации была сформулирована наиболее образно и поэтично. Неудивительно, что ее подхватили представители всех слоев нации: историки, поэты, аристократы и даже простой народ. Все хором утверждали, что за один день от португальцев можно научиться большему, чем за сто лет от римлян. «Лучше нам учить Гвинию, чем учиться у Рима» — таков был общий настрой нации.

Хорошую сатиру на них написал примерно в это время Лопе де Вега.

Я величайший
Сеньор из тех, кто ходит по земле!
Я средоточье всяческих достоинств,
Велик я и могуществен весьма.
Я скипетр, корона и престол,
Что землю и моря дрожать заставят!
Я тот, кто до бездонной глубины
Своей бессмертной славой проникает,
И, наконец, порукою мне то,
Что Португалец я, а это значит,
Что выше меня нету на земле!

Однако отсталость страны, ее нищета и невежество со временем становились все более очевидными, и португальцы уже не могли продолжать приписывать себе первое место в мире. Но как эпический дух XVI в. выродился в XVII в. в фанфаронство, так же, как критический дух XVIII в. превратился в декадентство в XIX в.

«...Юношество, опустошенное и скептическое, разуверившееся в себе и в своей стране, лишенное традиций и высмеивающее общественные учреждения, жалующееся на нехватку всего и не стремящееся обеспечить себя ничем, ненавидящее землю, на которой родилось, язык, на котором говорит, образование, которое получило, раздраженно сидящее в этой бесплод-

ной ненависти, как сыч в своем дупле, и на самом деле столь чуждое родной стране и ее духу, как будто бы его импортировали из Франции в ящиках парохомом из Гавра (Эса де Кейрош. «Современные заметки»).

Поэт Антонио Нобре восклицал: «О, друзья мои! Какое несчастье родиться в Португалии». Не напоминает ли это читателю знаменитую фразу Александра Сергеевича Пушкина: «И дернул меня черт родиться в России с умом и талантом».

Получив возможность бесконтрольного доступа к пряностям из колоний, португальские купцы не вкладывали средства в собственное производство, а предпочитали заниматься перепродажей этих пряностей на рынках Европы. В обмен они закупали для португальцев все: от оружия, одежды, мебели, посуды, бумаги, ковров, зерна, лошадей, карет, кораблей и снастей, дерева, до украшений, книг, сыров мехов, духов и пр. Жил Висенте (португальский автор XVI в.) высмеивал это положение, говоря, что даже мясо привозилось из Бретани, а капуста из Бискайи³. Португальские купцы имели свою факторию в Антверпене и все европейские товары для Португалии и колоний закупали в кредит (под 25% годовых), т.к. риски доставки были очень велики. Немногим удавалось вернуть кредит в срок, он накапливался, и уже к 1524 г. португальцы были должны 3 млн крузадо (что почти равнялось стоимости грузов за три года).

На торговле пряностями Востока издавна специализировались Генуя и Венеция, т.е. существовала конкуренция, в которой португальцы проигрывали, так как не умели долго хранить специи — они теряли качество, были плохо упакованы, гнили в кораблях при доставке в Европу.

Из страны мигрировали тысячи людей: на борту кораблей, которые уходили из Тежу, было до 1200 человек, а до Индии добирались около 200. И там многие умирали от непривычного климата, поэтому социальные и экономические последствия торговли специями были весьма и весьма обременительны для Португалии. Крестьяне, забросившие свое хозяйство, которое не могло их прокормить, толпами отправлялись в Лиссабон, но и там не находили себе работы и пропитания. Аналогичные процессы имели место во всех странах средневековой Европы: в Великобритании, Германии, Испании. Безземельные крестьяне, не нашедшие себе применения и в городе, сформировали класс люмпенов, что нашло отражение и в литературе. Так в Испании, например, оформился «плутовской роман», героем которого стал пройдоха, готовый служить кому угодно. Иностранцы удивлялись скудости народной пищи: соленые сардины и черный хлеб. Убежищем для бедняков стала церковь, количество монастырей за сто лет возросло с 200 до 400. Церковь жила за счет десятины и платы от арендаторов за свои земли. В целом выбор у португальцев был такой же, как в Испании: служба при королевском дворе, церковь или море.

И при этом в обществе наблюдалось «общее нерасположение к труду». Один французский священник, удивляясь тому, что видел в Португалии, писал: «Эти люди готовы терпеть любую нужду, только бы не учиться ремеслу». Так же, как и в Испании, это было результатом заморской экспансии. Средства, поступавшие из колоний, не вкладывались в производственную сферу, а шли прежде всего на покупку титулов и взятки. Количество придворных, которое во времена Жуана II составляло две сотни, возросло до четырех тысяч (!) при Мануэле I; такая же пропорция соблюдалась и

при дворах местных сеньоров. Достаточно было обладать ловкостью или связями, чтобы избежать тяжкого труда. В понимании большинства нуворишей физический труд являлся делом рабов — мавров и негров; фразы типа «Работа хороша для черных», «У кого нет крестных, умирает мавром» появляются в португальском обществе именно в это время.

В конце XVI в. произошли резкие изменения в расстановке сил в Европе, что отразилось и на отношениях двух соседних стран (с 1580 по 1640 г. Португалия находилась под властью Испании). Хотя статут Филиппа II сохранял практически все права за португальцами, в национальном сознании сформировалось резко отрицательное отношение к Испании. Португальский двор начал сближение в Англией, что приобрело различные формы — от брачных союзов до военного сотрудничества.

Причинами тому послужили не только особенности национального менталитета, но и прежде всего обстоятельства экономического характера: португальские торговцы и судовладельцы перестали чувствовать преимущества от объединения с Испанией. Испания не могла обеспечить безопасность ни своих, ни португальских судов с грузами из Южной Америки, которые подвергались нападениям корсаров на всем пути следования. С 1623 по 1638 г. было атаковано или захвачено около 500 судов, направлявшихся с ценным грузом в Португалию и Испанию. Кроме того, испанцы ввели новые налоги для рыбаков Лиссабона, что вызвало восстания 1637—1638 гг.

В 1640 г. восстание охватило и Барселону: толпа подожгла общественные архивы и убила генерал-губернатора. К восстанию присоединилось все графство, за помощью обратились к Франции. В 1641 г. французский король Людовик XIII был провозглашен графом Барселонским.

Правительство в Мадриде приняло решение о подавлении мятежа и отдало приказ о мобилизации португальской знати для сопровождения короля в ходе войны в Каталонии. Этот приказ стал непосредственным поводом к португальской революции 1640 г. (фактически это был государственный переворот, т.к. массы в нем не участвовали). 40 заговорщиков ворвались в королевский дворец, нашли и убили госсекретаря Мигела де Вашконселуша, после чего заставили герцогиню Мантуанскую — племянницу испанского короля и вице-королеву — подписать приказ о сдаче военных крепостей без сопротивления. Спустя две недели по старым португальским традициям королем провозгласили Жуана IV.

Испания все силы сосредоточила в Европе, где заканчивалась 30-летняя война. Союзницей Португалии была Франция, но под давлением Испании она отказалась поддерживать португальцев. Тогда они обратились за помощью к Англии, которая дала несколько военных кораблей, несколько тысяч военных и инструкторов, которые обучили португальскую армию. В результате сражений 1663 и 1665 гг. испанская армия потерпела поражение и уже не пыталась вновь воевать.

Однако эти победы практически не принесли стране ни процветания, ни развития — слишком глубоким был отрыв от европейских лидеров, накопившийся за предыдущие столетия. XVII в. стал решающим этапом в развитии современной мысли и науки. Это — век Галилея, Декарта, Паскаля, Спинозы, Бэкона, Ньютона, время расцвета литературы и искусства. Многие знаменитые шедевры были написаны и созданы с 1600 по 1700 г. — картины Рембрандта, Ван Дейка, Веласкеса, театр Шекспира, Сервантеса, Корнеля,

Мольера, Расина. В Португалии же этому исключительно созидательному и блестящему периоду хронологически соответствует эпоха застоя.

Лишь некоторые громкие европейские имена имеют отношение к Португалии. Спиноза был сыном португальского еврея, бежавшего от инквизиции в Голландию. Веласкес был сыном уроженца Порту, вынужденного искать работу в Севилье. Это лишь частные случаи. Но и они указывают на две основные причины упадка: преследования инквизиции, породившие изоляцию и парализовавшие культурные инициативы, и экономический и политический кризис, кульминацией которого стала утрата независимости, создавшая в стране атмосферу депрессии и уныния, несовместимую с блестящим литературой и искусством.

Образование под строгим контролем иезуитов велось по одним и тем же учебникам на протяжении 150 лет (даже в университете Коимбры). Поэтому после воцарения на троне Жуана IV (1640 г.) он столкнулся с трудностями при отправлении посла во Францию — никто из португальских дворян не говорил по-французски.

Другой характеристикой менталитета той эпохи продолжала оставаться вера в чудо, широко распространенная как объяснение практически всего, что происходит или существует не только в стране, но и в мире. На этом фоне удержалось и могло развиваться лишь народное творчество как на уровне фольклора, так и на уровне ремесла. Именно в этот период получила развитие бело-голубая керамика — азулежо. Эта керамика первоначально украшала стены церквей, поскольку ввоз дорогих ковров и гобеленов из Европы был ограничен из-за бесконечных войн, которые вела Испания с Голландией и Фландрией. Впоследствии азулежо и резьба по дереву переместились в Бразилию, где они развились на местном материале (черное и красное дерево).

Несмотря на утрату доходов от колоний и резкое отставание Португалии от европейских государств, в национальном сознании сохранялись устойчивые представления о себе как об избранной нации, что приводило иностранцев в недоумение. Вот пример из записок французского посла: «...Хотя у португальцев живой ум, нельзя не удивляться этому самомнению: у них нет какого-либо образования, а так как они не имеют представления о других странах и говорят лишь о размере своих домов и о великих делах своих предков, они уверены, что не существует знати более прославленной, чем португальская, и не существует страны, в которой жило бы столько великих людей»⁴. Однако разрыв между Португалией и другими европейскими странами все увеличивался, и на заседании кортесов в 1657 г. власти были вынуждены открыто и недвусмысленно констатировать общую слабость государства.

Как видно, события в Европе и мире уже вышли из-под контроля как португальских, так и испанских властей. В 1703 г. был подписан Лиссабонский договор о «вечном» союзе Португалии с Великобританией. Возросшее влияние Англии в мировых делах было закреплено и в условиях Утрехтского мира 1713 г. Она получила значительную часть Французской Америки и право ведения торговли на испанских территориях, а также контроль за работоторговлей. Португалия, которая была союзницей Франции, получила лишь право на оба берега Амазонки.

В этих условиях правительство предприняло попытку торговой реформы (но не реформы производства). В наибольшей степени выиграли производители вина (портвейна): его производство возросло с 7 тыс. бочек в начале XVIII в. до

44 тыс. в конце того же века. Однако в 1754 г. производители жаловались, что бочка вина, за которую англичане заплатили в Порту 10 тыс. реалов, продавалась на островах за 77 тыс. реалов. Импорт английских товаров зависел от объема экспортируемого вина, поскольку Англия платила не деньгами, а товарами (т.е. стимулировала свое собственное производство).

Ситуация начала меняться только тогда, когда в Бразилии было найдено золото. Причем это золото залегалось близко от поверхности земли, так что добыча могла производиться самыми примитивными методами. В 1699 г. в Лиссабон пришел первый груз — 500 кг золота, и в 1720 г. добыча достигла самой высокой отметки — 25 тыс. кг⁵. Чуть позже в Бразилии были найдены и алмазы. За период 1730—1800 гг. было произведено более 2 млн каратов алмазов. Это привело к понижению на них цен в Европе (почти на 75%). В Бразилии португальские власти пытались взять под свой контроль добычу (через систему налогов), а также реализацию товара, что вызывало активное сопротивление как добытчиков, так и контрабандистов. В итоге это породило массовое неприятие португальских властей, которое особенно возросло, когда в эпоху Наполеоновских войн в Бразилию переехал королевский двор.

Несмотря на поступления золота и алмазов, в самом португальском обществе сохранялся застой. Португальский дипломат той эпохи Жозе де Кунья Брошадю так описывает точку зрения Франции на португальскую «элиту»: «В Португалии нет науки, нет политики, нет экономики, нет образования, нет знати, нет двора. Литература находится в изгнании, в монастырях едва умеют служить обедню. Из них никто не имеет представления об истории Библии и Священных книг. Отцы церкви и церковные соборы неизвестны. Что касается истории, португальцы — полные невежды даже в своей собственной истории и не знают своего происхождения, своих завоеваний, своих интересов, своих побед и достижений... Дворяне надменны сверх меры и считают себя богами, говорят мало и всегда держатся в стороне от общения, опасаясь и боясь совершить какой-либо шаг, по причине которого станут менее божественными. В целом знать бедна, нечасто присутствует при дворе, не имеет обхождения, демонстрирующего искусство галантности, которое им абсолютно незнакомо, словно они родились в горах или в деревне. Им не преподают свободных искусств. Не было когонибудь, кто мог говорить на собственном языке, чтобы научить своих детей без помощи учителей и гувернанток. Если среди них есть кто-то, кто хотел бы поговорить о вопросах науки и политики, над ним смеются и третируют его, как «студента», что то же самое, что безрассудный безумец»⁶.

Так как отставание Португалии становилось все более заметным, были предприняты попытки изменить ситуацию: начали возникать первые предприятия современного типа, среди них — литейный завод, фабрика зеркал, производство тканей, бумажная фабрика. Но все эти проекты оказались неэффективными и развалились. Зато огромные деньги тратились на поддержание королевского двора и строительство дворца-монастыря в Мафре. Ансамбль имел площадь 4000 м², включал в себя огромный королевский дворец, монастырь на 300 человек и церковь. Всего 1300 помещений, в том числе залы, комнаты и монастырские кельи. Строили иностранцы, в основном итальянские архитекторы, по всей стране собрали 45 тыс. мужчин, которые работали на этой стройке. Их заставляли работать 7 тыс. полицейских.

Как часто бывает в истории, в нужное время появляется лидер, который в состоянии вывести страну из кризиса. В истории Португалии таким лидером стал Себастьян Жозе дие Карвальо-и-Мело, маркиз де Помбал. Выходец из провинциальной дворянской среды, он быстро продвинулся по службе и в 1759 г. получил титул графа де Оэйраша, а в 1770 г. — и маркиза. Именно он возглавил восстановление Лиссабона после сокрушительного землетрясения 1755 г., ввел единый архитектурный стиль.

При нем была проведена административная реформа, купцы были уравнены в правах с дворянами. Были учреждены компании для торговли с колониями: Азиатская (1753 г.), Компания Пара и Мараньяна (1755 г.), Китобойная (1756 г.), Компания Пернамбуко и Параибы (1759 г.). Развивалась промышленность за счет привлечения иностранных специалистов и предоставления им привилегий. Маркиз де Помбал начал борьбу с орденом иезуитов и добился его ликвидации на территории страны. Провел университетскую реформу, в университете были созданы два новых факультета — математический и философский (где преподавали курсы естественных наук, а также физики и химии). В связи с нехваткой местных специалистов, их приглашали из-за рубежа. (Впрочем, вплоть до начала XIX в. инквизиция имела право обыскивать общежития студентов и книги преподавателей.)

Наряду с этим министр жестоко подавлял любые попытки сопротивления, отправляя врагов в инквизицию, в застенках которой погибли не менее 2400 человек, и еще 800 были выпущены на свободу уже после его смерти. Во многом его деятельность можно сопоставить с деятельностью Петра Великого, который «Россию поднял на дыбы». Полемика об итогах деятельности Помбала ведется в Португалии до сих пор. Характерно, что еще при его жизни большинство проведенных им реформ было отменено.

Все эти преобразования проходили в сложных международных условиях: началась война за независимость США (1775—1783 гг.), произошла революция во Франции 1789 г., наступала эпоха Наполеона. Во многом это повлияло и на укрепление отношений Португалии с Англией. В 1806 г. Наполеон ввел континентальную блокаду против этой страны. Несмотря на традиционные дружеские отношения между Британией и Португалией, последняя была вынуждена формально уступить, но в португальские порты английские корабли заходили, как к себе домой. В качестве ответной меры Наполеон планировал расколоть Португалию на три небольших государства: Алентежо и Алгарви под властью Мануэля Годоя (фаворита испанского двора). К северу от р. Дору должно было появиться королевство Лузитания (под властью внука короля Испании), а территории Эштремадура и Бейра должны были отойти Франции.

В конце 1807 г. французская армия под командованием генерала Жана Жюно вступила в Португалию. Официальная имперская газета «Монитор» известила о прекращении правления в стране династии Браганса. Газета появилась в Лиссабоне еще до прихода французских войск, и английский посол показал ее принцу-регенту. Так последний узнал, что Наполеон сверг его с престола. Не желая оставаться под властью французов, принц-регент, королева и вся королевская семья поднялись на борт английских кораблей в устье Тежу и отплыли в Бразилию. Их сопровождала многочисленная свита: представители знати, богатые купцы, высшие чины администрации, судьи, вся дворцовая прислуга — всего около 10 тыс. человек.

Интересно, что эта акция была согласована с Англией еще за год до описываемых событий, что свидетельствует не только об активности английской разведки, но и о далеко идущих планах английских властей.

Французское войско прошло через всю страну, не встретив ни малейшего сопротивления. Жюно обратился к жителям Лиссабона, закончив речь здравицей в честь Наполеона, но толпа его не поддержала. Французы отправились на банкет, а португальцы на улицах собирались и выкрикивали «Смерть Франции!». Толпа была разогнана, но особых жертв не было, также не нашлось и лидера, который мог бы эту толпу возглавить. 1 августа англичане высадились в Португалии, французы пытались сопротивляться, но потерпев два поражения, запросили перемирия. Англичане обещали вывезти их на своих кораблях во Францию, и Лиссабон сдался без боя. В стране началось преследование тех, кто сотрудничал с французами — «афранцесадо» (аналогичные процессы проходили и в соседней Испании).

Эта победа над французами еще больше сплотила англичан и португальцев. В Португалии побывал лорд Байрон, с XIX в. представители королевской семьи и английские аристократы ежегодно проводят там часть своего отпуска. Уинстон Черчилль с удовольствием занимался зарисовками португальских природных красот. И в настоящее время около 80% посетителей в туристической зоне Алгарви составляют жители туманного Альбиона.

Отъезд королевского двора в Бразилию имел своим следствием формирование Объединенного королевства в составе Португалии, Алгарве и Бразилии. После возвращения короля в Лиссабон принцем-регентом стал его сын, принявший в 1822 г. титул императора Бразилии под именем Педро I. Независимость страны была провозглашена 7 сентября 1822 г. Именно это обстоятельство позволило царской России установить дипломатические отношения с Бразилией раньше, чем с другими латиноамериканскими странами, которые на тот момент юридически еще находились под властью Испании, хотя и вели борьбу за свою независимость.

В самой Португалии отношения с Бразилией значительно активизировались после 1822 г., в том числе и за счет миграции туда безземельных португальских крестьян. Денежные переводы португальцев, мигрировавших в Бразилию, составляли значительную часть дохода страны: их общая сумма была равна той, которую платили государству собственники недвижимости в самой метрополии. По мнению некоторых экономистов, никогда Бразилия не была столь доходной, как в то время, когда перестала быть колонией.

На протяжении всего XIX в. число жителей Португалии увеличилось примерно на 70%, едва превысив показатель 5 млн человек. К 2002 г. численность населения достигла 10,2 млн человек, кроме того 2,2 млн португальцев проживают за пределами страны⁷.

Важным направлением во внутренней политике Португалии в середине XIX в. стала разработка либерального законодательства и ликвидация феодальных пережитков, в том числе за счет продажи собственности духовенства. Португальский Гражданский кодекс действовал сто лет — с 1867 по 1967 г. (самый продолжительный срок в Европе).

В 1910 г. в стране была свергнута монархия и провозглашена республика. Однако в 1926 г. произошел государственный переворот и установлена военная диктатура. В эпоху А.Салазара Португалия вступила в НАТО и упрочила свои отношения с США. Новый диктатор Марсело Каэтано был

отстранен от власти в 1974 г. группой офицеров из «Движения вооруженных сил». Однако экономический фундамент страны продолжал оставаться весьма слабым, несмотря на все попытки его модернизации. Для успеха реформ не хватало двух составляющих: мощной государственной финансовой поддержки и наличия специалистов, способных адаптироваться к новейшим технологиям. По данным 2001 г., в сельском хозяйстве было занято 10% рабочей силы, в промышленности — 30%, а в сфере услуг — 60%.

В значительной степени такой расклад был обусловлен той ролью, которую Португалии отводили в ЕС. Предполагалось, что в рамках этого объединения Португалия будет специализироваться на развитии туризма, а объемы промышленного производства (реализуемого, как правило, на маленьких и малоэффективных фабриках) надо было сократить. Следовало также сократить и долю государства в экономике с 40% в 1975 г. до 7—8% в 2001 г.⁸. Для реализации всех этих проектов Португалия получила от ЕС помощь в размере 29,7 млрд евро. И вот, как по мановению волшебной палочки, бывшие рыбацкие поселки исчезли, а на их месте появились современные пятизвездочные гостиницы. Часть населения нашла себе применение в сфере обслуживания, часть была вынуждена эмигрировать, в том числе и в соседнюю Испанию, где большинство находило работу на стройках в качестве гастарбайтеров.

Однако вскоре и в Испании наступил кризис, показатели безработицы оказались самыми высокими в ЕС (свыше 20% трудоспособного населения, а среди молодежи этот показатель достигает 50%). В этих условиях спрос на дешевые рабочие руки из Португалии резко снизился, более того, начались столкновения в борьбе за рабочие места. В этих условиях возрос отток населения из самой Португалии (как уже отмечалось выше, за рубежом проживают свыше 2 млн португальцев). Кто-то ищет спасения в странах ЕС, кто-то в США, кто-то готов поехать в Бразилию, а кто-то и в Анголу, где у многих остались родственники и недвижимость.

В поисках выхода из ситуации северные провинции Португалии угрожают центральному правительству отделением или переходом под власть Мадрида, так как не ощущают никакой заботы Лиссабона об улучшении положения дел в их регионе. Свидетельством этого явилась такая акция, как водружение испанского флага над зданием местных органов власти. Более лояльные к властям португальцы спешно проходят курсы по выра-

Флаг Испании на одном из зданий в г. Валенса-до-Миньо на севере Португалии, вывешенный в знак протеста против бездействия центрального правительства

щиванию сельскохозяйственной продукции, поскольку при вступлении в ЕС им обещали, что все необходимое им будут поставлять оттуда, и многие из них перестали заниматься ведением собственного хозяйства. Ведь все эти продукты можно купить в магазине, дефицита нет, но цены — общие для всего ЕС, и многих это не устраивает, особенно в условиях кризиса.

Долгое время могло казаться, что португальцы не так шумно протестуют, как греки или итальянцы. Отчасти это обусловлено и особенностями национального характера, но в последнее время все чаще приходит информация о том, что массовые акции протеста имели место в Лиссабоне и других крупных городах. Столкновения с полицией становятся неотъемлемой частью этих выступлений. И это не просто «плохие новости», это сигнал будущих столкновений, ведь «самый сильный протест вырывается из груди самых слабых», мы это знаем, и не только по драме Островского «Гроза», но и по собственному опыту.

...До моей первой поездки в Португалию я стала свидетелем забавной сценки. Дело было в Донецке, в квартире моей давней подруги. Сидим мы на кухне и в духе лучших традиций ведем разговор обо всем сразу: и о здоровье, и о политике, и о детях. Вдруг приходит соседка и радостно так с порога заявляет: «Вот счастье-то какое — письмо от дочери пришло, она работу нашла, да так быстро. Другие по полгода не могут найти, а она за две недели нашла. Ну, теперь мы с голоду не помрем». Я с удивлением спросила, что же это за работа такая, и что за страна такая, где одна девушка может прокормить всю семью? «Да в Португалии это, в Португалии, — лучезарно улыбнувшись ответила мне соседка, — она там в кафе посуду моет».

Какое-то время спустя после моей поездки в Португалию вновь раздался звонок из Донецка от подруги. Я с удовольствием поделилась своими впечатлениями и услышала новости от нее. «А ты помнишь мою соседку, ту, у которой дочь уехала в Португалию? — спросила она. — Так у нее тоже новости: вышла замуж за португальца и уже родила ребенка». Хорошая новость, действительно повезло девушке, можно было бы за нее порадоваться, да что-то мешает. Видела я в гостинице этих девушек с Украины, из Польши и других стран Восточной Европы — на родине они не нужны? В сущности вопрос стоит так: а кому повезло больше? Может быть, не ей, а Португалии?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ж. Э. С а р а й в а. История Португалии. М., 2007, с. 157—159.

² *Historia de Portugal*. Ramos, 2009.

³ Ж. Э. С а р а й в а. Указ. соч., с. 172.

⁴ Там же, с. 212.

⁵ Там же, с. 219.

⁶ Там же, с. 222.

⁷ Энциклопедия стран мира. М., 2004, с. 276—277.

⁸ Там же, с. 279.